

ческой дисциплиной и полудикими нравами бурсы. Левитовъ, прожившій долго дома, гдѣ хотя и много долженъ былъ работать, но оставался на свободѣ домашнихъ и сельскихъ отношеній, не былъ приготовленъ къ этой семинарской жизни, гдѣ были для него новы и капризная свирѣлость начальства, и грубые обычаи сотоварищей. Мягкій любящій характеръ, поэтическія наклонности, сказавшіяся въ немъ очень рано и очень опредѣлительно, наконецъ его физическое сложеніе не шли къ этой средѣ, гдѣ его внутреннія потребности не находили себѣ ни отзыва, ни опоры, и гдѣ напротивъ деликатныя свойства его натуры были лишнимъ поводомъ и къ нападкамъ товарищей и къ придираньямъ педагоговъ. Къ счастью, у Левитова нашелся товарищъ, съ которымъ его тѣсно сблизили общіе интересы, именно любовь къ литературѣ, и который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ большой силачъ и доставилъ ему полную защиту противъ бурсацкихъ нападений. Этотъ товарищъ былъ нѣкто Соколовъ, съ которымъ впоследствии Левитовъ пѣшкомъ ушелъ въ университетъ и еще разъ жилъ вмѣстѣ въ Петербургѣ.

«Соколовъ, — рассказываетъ біографъ, — какъ и Левитовъ, былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ семинаріи и, при обладаніи громадными физическими силами, не только приводилъ въ священный трепетъ своихъ товарищей — риторовъ, но заставлялъ съ уваженіемъ относиться къ своей особѣ философовъ и даже пользовался благосклоннымъ вниманіемъ со стороны богослововъ. Такова была популярность этой личности между семинаристами всѣхъ трехъ отдѣленій. Съ Левитовымъ ихъ сблизила общая страсть къ чтенію, — страсть, которой они удовлетворяли и у себя на убогой квартирѣ, просиживая за чтеніемъ книгъ далеко за полночь, и нерѣдко въ классныхъ комнатахъ семинаріи. Любимыми ихъ писателями въ области изящной литературы были Шиллеръ, Гёте, Диккенсъ, Тэккерей и Жоржъ-Зандъ, а изъ русскихъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ и, позднѣе, Гоголь ¹⁾».

Левитовъ благополучно перешелъ во второй курсъ семинаріи, носящій названіе философіи, но здѣсь его семинарское ученіе кончилось, и самымъ фатальнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что въ семинарію поступилъ новый инспекторъ, монахъ Іеронимъ, типическій представитель той педагогіи стараго времени, которая не допускала въ воспитанникахъ ни малѣйшаго отступленія отъ принятаго обычая, никакой самостоятельной работы мысли и въ особенности не терпѣла свѣтской литературы. Между тѣмъ, Ле-

¹⁾ Собран. соч. Левитова, I, стр. XXII.